

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Собрании игуменов и игумений монастырей Русской Православной Церкви

23 сентября 2025 года в Москве состоялось Собрание игуменов и игумений монастырей Русской Православной Церкви. С основным докладом на заседании выступил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Преосвященные владыки! Всечестные отцы и матушки игумении! Дорогие братья и сестры!

Сердечно вас всех приветствую и благодарю Бога, что наши собрания становятся доброй традицией. Эти встречи дают нам возможность пообщаться друг с другом, с братьями и сестрами во Христе, поделиться своими мыслями, кому-то найти ответы на волнующие вопросы. А кто-то, может быть, получает духовную поддержку, ведь всякие бывают жизненные обстоятельства, которые требуют поддержки со стороны духовно близких людей. Надеюсь, что наши встречи содействуют добрым переменам к лучшему, в том числе в жизни наших монашеских обителей.

Несколько слов о статистике. Сегодня в Русской Православной Церкви действуют 962 монастыря (463 — мужских и 499 — женских); из них на территории Российской Федерации 584 монастыря (282 мужских и 302 женских). Среди монастырей — 37 ставропигиальных (17 мужских и 20 женских), в которых подвизаются 2117 монашествующих. За последний год было открыто 3 мужских и 1 женский монастырь.

Еще некоторое время назад никто из нас и не поверил бы в то, что могут быть такие цифры. Сам факт этого значительного увеличения количества монастырей свидетельствует о присутствии Божиим в нашей жизни: процвела есть языческая неплодящая Церковь. От общества атеистического, секулярного, где религия притеснялась, за короткий срок действительно произошли такие перемены, которые только чудом Божиим и можно объяснить.

Это не повод для того чтобы мы как бы сверху вниз смотрели на окружающий мир, но мы, конечно, должны возблагодарить Господа за страну нашу, за народ наш, за Церковь нашу. За то, что Господь всем нам дает силы совершать то великое служение, которое преследует одну-единственную цель — спасение людей для Царства Небесного. А в широком, но важном смысле — спасение людей в этой жизни от греха, а значит, от ошибок и от тяжелейших последствий этих ошибок.

В этом году повсеместно прошли заседания региональных круглых столов, посвященных теме «Суть монашеского подвига в современном мире». По итогам обсуждений участники пришли к общему выводу: какими бы ни были окружающие нас условия, мы должны помнить, что наша брань не против плоти и крови, но против миродержителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6:12). При всем разнообразии современных вызовов суть монашеского подвига остается неизменной и состоит во внутреннем сердечном делании, приводящем к преображению человека.

Путь христианина, а тем более монаха — это путь совлечения ветхого человека и облечения во Христа. Эта норма всем хорошо известна, и известно также, что такой путь требует особого подвига. Общаясь с монашествующими, часто привожу в назидание слова, встречающиеся у многих древних отцов: мы приближаемся к Богу в той мере, в какой мы совершаляем подвиг. А почему? Тоже не единожды говорил, что у слова «подвиг» тот же корень, что и у слова «движение».

Подвиг — это движение, но все ведь зависит от вектора, от направления этого движения. Если движение вниз и в пропасть, какой в этом подвиг и разве может быть благодатным результат? Только когда человек движется вперед, что означает его всестороннее развитие как личности, и одновременно вверх, что означает приближение его к Богу и развитие духовных сил, направленных на обретение спасения, — вот тогда и выбран этот единственно правильный вектор человеческого развития.

Принимая монашеский постриг, мы вступаем в особые отношения с Богом. Монашествующие отказываются от мира и от того, что в мире, ради Христа. Но этот отказ должен быть действительно отказом. А если все изменения заключаются только в том, что одна одежда сменилась на другую, то, конечно, нет и особых отношений с Господом.

Когда мы говорим об отказе, мы должны понимать: если монах живет в обители, то сами монастырские стены как бы защищают его от влияния внешнего мира. Присутствие братства или сестричества поддерживает монаха в его стремлении действительно восходить от силы к силе. А если монах служит на приходе, это конечно, дополнительная трудность для человека, сознательно относящегося к своему монашескому призванию, что налагает на такого монашествующего особую ответственность — по своему целеполаганию, по устройству своего бытия он не может переставать быть монашествующим.

Хотелось бы еще сказать, что горение сердца и ревность по Богу — это важная сила, которая помогает и монашествующему, и всякому верующему действительно достигать той высоты духовной жизни, которая способна открыть перед нами врата Царствия Небесного, врата вечности. Конечно, этот путь связан с большими трудностями, испытаниями, соблазнами. Нередко нас одолевает немощь, нередко мы не видим результата в нашей духовной жизни, иногда страшимся неопределенности — и так бывает. Но всякий монашествующий призван не отчаиваться.

Почему? Да потому что самое страшное — это отчаяние. Отчаяние — это потеря надежды. Когда человек машет рукой: да все равно ничего не получится! — вот тогда и наступает остановка всякого развития. Это преграда к совершенствованию. Совершенствование — это очень высокое слово, оно предполагает особые усилия со стороны человека. Но если наступает отчаяние, а нередко за отчаянием — цинизм, то человек вступает на совершенно другой путь — греховный, ведущий к погибели. Вот почему святые отцы говорят об отчаянии как об очень опасной духовной болезни.

Так действительно бывает и с монашествующими. Когда инок теряет ориентиры, перестает надеяться на спасение, понимает, что ему не справиться со своими внутренними проблемами, — это приводит в крайних случаях, о которых и говорить бы не хотелось, к оставлению монашеской жизни, к уходу из монастырей. А бывает и так, что внутренний цинизм появляется, но вроде и уходить некуда, и для светской работы нет ни знаний, ни умений, — «ну тогда вот здесь и останусь». Человек практически растерял все, что должен иметь как монах, но, с другой стороны, ввиду внешних обстоятельств, он продолжает пребывать в монашеской общине, перестав внутренне быть монахом.

Конечно, такого надо всячески избегать. Думаю, каждый из нас это хорошо

понимает, и нужно стараться по мере сил ставить перед собой пусть небольшие, но реальные задачи и стремиться к их достижению.

Иногда монашествующий, особенно по молодости, начинает возлагать на себя неудобоносимые подвиги. Нередко такое заканчивается разочарованием, вплоть до разрыва с монашеством — мы и такое знаем. Эмоциональный фактор иногда возбуждает некую ревность, но если она не подпитана духовной силой, готовностью идти по пути духовного возрастания, то это может привести к тяжким последствиям в нашей духовной жизни.

А если мы не устремляемся сразу в небеса, не ставим перед собой каких-то невероятных задач, а идем спокойно, размеренно, как отцы учили восходить — от простого к сложному, от менее возвышенного к высотам, — вот тогда можно действительно мобилизовать свои силы в ответ на призвание, которое Господь вселил в наши сердца, и достичь искомых результатов. Результатом же должны быть душевный мир, незлобие, радость, любовь и все те добродетели, о которых мы слышим в Послании апостола Павла к Галатам.

Наша первостепенная задача, досточтимые владыки, отцы игумены и матушки игумении, — возгревать, воспитывать в душах вверенных вашему попечению братьев и сестер желание пребывать в добровольном подвиге, следовать путем евангельских заповедей. Подвиг добровольный, ведь никто никого не заставляет ничего делать — ни в монастырях, ни в скромных скитах, да и нигде, где живет и молится человек, вставший на путь монашества. Никто ничего не требует от монаха — он сам должен требовать от себя, соизмеряя свои духовные мечтания с реальными возможностями, чтобы не впадать в прелесть.

Действительно, многое в жизни человека зависит от того, следит ли он за своим духовным состоянием. Два человека могут находиться рядом, в одних и тех же условиях, внешне весьма похожих. Но один живет рассеянно, а другой духовно бодрствует, контролируя свои мысли и свои дела. В итоге у них разное восприятие жизни, разно целеполагание, разное отношение к событиям, с которыми они сталкиваются. В одной и той же ситуации один огорчается, а другой сохраняет спокойствие и за всё благодарит Бога. Один тотчас бросает непростое дело и отступает, лишь только столкнется с трудностями, а другой идет вперед, не столько уповая на свои силы, сколько возлагая надежду на Господа. Именно у второго в сердце — подлинная сила, именно такими людьми, с сильными и горящими сердцами, и призываются быть монашествующие.

Подобно тому как человек имеет тело и душу, так и подвиг монашеский состоит из послушания и молитвы. Труд послушания помогает стяжать самоограничение и жертвенность, а молитва собирает ум и, конечно, воздействует на сердце. Она одухотворяет все, даже самые простые дела, которые становятся благоприятной Богу жертвой.

Молитва укрепляет монаха в подвиге послушания, привлекает Божию помошь. Вот что самое главное — укрепляет нас. Но ведь наших сил недостаточно, чтобы идти таким трудным путем, как монашество, — а значит, молитва дарует Божественную помошь и Божественную поддержку. Поэтому без молитвы, как и без добрых дел, невозможно угодить Богу.

Не говорю не о сокращении молитвенного правила — иногда бывают обстоятельства, которые требуют его сокращения. Но самое главное, чтобы внутри ничего не сокращалось, чтобы сохранялась потребность в молитве — именно потребность! Ведь молитва — это единственная сила, которая по-настоящему способна укреплять нас в наших таких небольших, но все-таки подвигах, которые мы принимаем на себя.

Если мы хотим научиться любви Христовой, то нам нужно идти путем послушания, смирения и, конечно, молитвы, потому что без молитвы и послушания, и смирение очень быстро закончатся. А если будет в наших сердцах развиваться доброе чувство, если мы будем идти по пути самоограничения и самовоспитания, то наверняка в какой-то момент в сердце возникнет любовь — как ответ на несомненно реальный, хоть и очень скромный подвиг.

Истинное послушание освобождает в душе место для любви. Попросил бы эти слова запомнить: послушание освобождает место в сердце для любви. Если мы послушны из страха и корысти, то это рабство, а если из любви, то мы обрели свободу во Христе и любовь научает нас не просто исполнять некие повеления, а видеть за порученным живых людей — игумена, игумению, братьев или сестер и всех тех, кому мы служим.

Принимая по любви ко Христу, со смирением в сердце волю Божию, возвещаемую через игумена, игумению, ближних или обстоятельства, послушник незаметно для себя совершает подвиг любви. Так подвижник становится подлинным учеником Христовым, начинает видеть цель своей жизни в свободном служении другим — не из страха наказания, не ради выгоды или награды, но в соответствии с душевным состоянием, которое в

конце концов приводит к появлению реальной любви к ближнему.

Но как стяжать такую любовь? Многим из нас известны слова преподобного Амвросия Оптинского по этому поводу: «Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твое желание и старание и вложит в сердце твое любовь»[1]. Надо просто начинать делать добрые дела — хотя, может быть, вначале через силу, понимая, что без добрых дел ничего даже близкого к любви не возникнет в наших сердцах.

Ну, а в чем же состоит дело любви? Прежде всего — в нашем свободном решении бороться с грехом, потому что грех и любовь — вещи несовместимые. Почему нужно удерживаться от недобрых слов, от поступков, даже от помыслов? Потому что все это становится преградой на пути нашего движения, как я нередко говорю, вперед и вверх. Вперед — что предполагает общее развитие личности, и вверх — что предполагает движение навстречу Господу.

Вот что говорится о порядках, существовавших в общине преподобного Сергия Радонежского: «Среди отшельников царили полное единодушие и братская любовь; каждый готов был, если бы оказалось нужным, пожертвовать самою жизнью, не говоря уже об удобствах, для сохранения мира и спокойствия остальных братий»[2]. Источником такого глубокого единения, несомненно, была молитва, и не только молитва келейная, не только молитва в храме, но и та, что святые отцы называли умной молитвой. Чем более человек прилежит молитве и послушанию, тем больше в нем деликатности и чуткости, простоты и уступчивости, тем больше он готов пожертвовать собой ради ближнего.

Бывает так, что монах, вроде бы ревнуя о молитве, желая приобрести сердечную молитву, посещает все богослужения, по несколько часов исполняет келейное правило, но от послушаний уклоняется, не откликается и на просьбы братий о помощи в том или ином деле. И это очень характерный признак того, что брат находится в опасности. Вот святитель Игнатий (Брянчанинов) в своих трудах неоднократно предупреждал о том, что бегство от действительности в молитву как в некую «духовную практику» (в кавычках, конечно) не есть молитва, а есть мечтание, которое без своей главной основы — смирения и послушания — является неправильным состоянием, тонкой прелестью. Такой человек по своей гордости заблуждается: он бежит от ответственности, но мнит, что якобы «достоин большего», что духовен, и все, что происходит здесь, — несчастья, лишения,

скорби, труды, — все это земное и, конечно, его недостойно. Это уже тяжелое состояние гордыни, которое, может быть, человек не сознает, но которое начинает управлять его мыслями, поступками, чувствами.

Что все это означает на самом деле? Это означает, что человек в первую очередь не чувствует себя в единстве с близкими. А ведь для монаха как члена Церкви естественно жить соборно, в единстве с другими. Он призван чувствовать нужды своих братьев и сестер, искать возможность помочь, утешить. Для монаха норма — не просто никому не отказывать, но еще и самому смотреть: не нужна ли кому-нибудь помочь? Когда монах пребывает в единстве с близкими, тогда он пребывает с Богом. Тогда и его молитва обретает силу. Настоятельно призываю вас и самого себя руководствоваться древним святоотеческим правилом, восходящим к преподобному Пахомию Великому: если брат во время молитвы услышит зов на послушание, то да прервет молитву и пойдет служить. Страйтесь и вы поступать так же!

Истинно ли человек молится, становится видно по тому, как он исполняет порученное послушание. Как на молитве мы стоим с благовением, усердием, так и к трудам нужно иметь благовение и исполнять их с усердием, как пред лицом Божиим. В молитве мы взываем «Господи, помилуй!», и это же самое «Господи, помилуй» можем говорить своими трудами, которые посвящаем Христу, деятельно выражая покаяние и желание обрести милость Божию, то есть совершая добрые дела, осознавая свою греховность, стремясь улучшить свое внутреннее духовное состояние.

Молитва никогда не мешает послушанию — вот что очень важно нам усвоить; равно как и истинное послушание не может быть без молитвы. Это непреложная аксиома! Пожалуйста, мои дорогие братья и сестры, не будем об этом забывать. Встречается, к сожалению, нередко ситуация, когда ради внешних трудов и материального обеспечения, в монастыре ослабляется богослужебная жизнь и келейная молитва. Это бывает сплошь и рядом, как все мы хорошо знаем — и игумены, и игумении, и прочие монашествующие. Вот этого не следует допускать! Мы должны понимать, что и послушание, и работа, столь необходимые для жизни монашеской общины, предполагают приоритетность молитвы.

Нельзя молитву загонять на периферию монашеской жизни, даже в таких обстоятельствах, когда, казалось бы, иначе поступить невозможно. Если невозможно, то надо идти и нести послушание, но творить молитву про себя, раз нет возможности помолиться уставно. Ну, а потом, придя в храм, пред Богом раскаяться и еще раз проанализировать свой поступок: действительно

ли правильно, что я сделал все без молитвы? Или все-таки следовало бы вначале ко Господу обратиться, а уже потом потрудиться?

Конечно, молитва должна быть не просто механическим отправлением устава или келейного правила — она должна быть центром нашей жизни. Как уклоняющийся от послушаний ради молитвы находится в опасности впасть в прелесть, так и идущие путем одних внешних служений в ущерб молитвенному деланию весьма заблуждаются. Не прилежащие ни молитве, ни трудам впадают в праздность и расслабление, становятся неспособными к подвигу.

Повторно особо скажу: подвиг — это важнейшая константа монашеской жизни. То, о чем мы сегодня говорим, — внутреннее сердечное делание, молитва, безотказная помощь ближним, послушание, ответственность, — все это является настоящим монашеским подвигом. Ничто не должно исключаться из перечисленного. На это монах призван обращать свои силы, в этом проявлять самоотречение и, я бы сказал, отвагу.

Вообще для всякого христианина очень важно хранить в жизни силу духа. И не только для христианина, но христианину это свойственно, потому что мы помазаны Божественным Духом и укрепляемся силой благодати Божией. Неслучайно Священное Писание человека, живущего по Богу, нередко уподобляет воину. Вспомним, например, строки из 17-го псалма: «Бог препоясуй мя силою», то есть «Бог препоясывает меня силой» (Пс. 17:33). Этот образ препоясывания, равно и многие другие поэтические образы в Псалтири, пришли из военной сферы. Воин препоясывается, во-первых, чтобы длинная одежда не затрудняла его движения, во-вторых, чтобы на пояс можно было повесить меч. Священник перед богослужением, надевая пояс, произносит те же слова: «Бог препоясуй мя силою». Тем самым он свидетельствует о себе, что он духовный воин.

Но и каждый христианин, в особенности монах, также может относить эти слова к себе: Бог препоясывает меня силою, чтобы я отважно вел брань. Сам по себе я не могу победить грех, но силою Божией способен сражаться и побеждать. Важно также помнить: Господь не только препоясывает, но и научает нас, как сражаться. Псалмопевец Давид говорит об этом прямо: Бог, «научаяй руце мои на брань» — то есть Бог «научает руки мои участвовать в борьбе» (Пс. 17:35). Как в армии солдата учат держать оружие, тренируют воина, чтобы его руки были сильными, — так и нас Бог учит самыми разными способами: через обстоятельства жизни, через общение с другими людьми.

Если посмотреть текст псалма далее, прочитаем другие замечательные слова: «положил еси лук медян мышца моя» (Пс. 17:35). А в еврейском тексте то же место передано так: «я руками гну медный лук» — но смысл примерно тот же. Представьте, какая сила нужна, чтобы согнуть медный лук! Бог дает нам для духовной брани сверхъестественную силу — такую, какой у нас от природы нет.

Псалом описывает, какими должны быть мы с вами. И мы, читая Псалтирь во время своего келейного правила, должны задумываться о том, что стоит за теми или иными словами священной книги, непрестанно назидаясь в слове Божием, чтобы быть воинами подготовленными, крепкими, мужественными к духовной брани. Вот такова цель наших молитвенных правил и всех подвигов, которые добровольно принимает на себя монашествующий.

В чинопоследовании пострига монах облекается в броню и шлем, берет в руки щит и меч. Для чего? «Во еже мощи ему победити всю силу и брани начал и властей и миродержителей тмы века сего». Монах вызывается на бой и не имеет права уклониться: он должен быть до конца верным своим обетам и вести реальную борьбу. Предводителем в этой духовной брани является поставленное над монахом начальство, в первую очередь в лице игумена и игумении.

Дорогие отцы, братия, сестры! На вас лежит, конечно, особая ответственность не только за то, чтобы в обителях возрождались храмы и работали мастерские, творились другие дела, но чтобы совершался внутренний сердечный подвиг, который складывается из внутренней молитвы, самоотверженного служения и любви друг ко другу.

А вот теперь вопрос: а как всего этого достичь? Для этого игумен и игумения должны быть прежде всего укоренены в монашеском предании, то есть хорошо знать традиции монашества.

Хорошо при решении даже самого малого вопроса опираться на труды святых отцов как на некий монашеский катехизис. Ведь нет ни одной стороны монашеской жизни, о которой бы не учили святитель Василий Великий, преподобный Феодор Студит, авва Дорофей, преподобный Иоанн Лествичник и другие наставники монашества. Они определили на века порядок монашеской жизни. И вы, наставляя монашествующих, пользуйтесь опытом этих великих отцов, а в особенности их словом, в котором заключена духовная сила и мудрый совет.

Есть такой замечательный образ в житии святого равноапостольного князя Владимира. Там говорится, что князь «взорал», то есть вспахал Крещением всю землю русскую и засеял ее святыми книгами. От этого сеяния одни собирают снопы покаяния, а другие уже вкушают нетленную пищу в Царстве Небесном. Каждый из вас должен продолжать дело великого князя Владимира: обильно сеять слово Божие и назидать пасомых в святоотеческом учении. Важно как можно чаще обращаться к насельникам как на общих встречах, так и во время личных бесед, зачитывать им отрывки из святоотеческих творений, чтобы напоминать об основополагающих духовных принципах и вдохновлять на подвиг.

Вот как важно, чтобы такая назидательная духовная работа осуществлялась постоянно у монашествующих, чтобы монашествующие, особенно послушники, только что пришедшие в обитель, не связывали с обителью только труд, часто физический, но чтобы они понимали, что первое и главное, что они получают для себя, — это духовное вразумление, поддержка, укрепление в вере, способность справляться с искушениями и устремляться ко спасению.

Конечно, игумены и игумении призваны быть примером для своих братьев и сестер в ревности к богослужению, в терпении немощей ближних, в неосуждении. От вас, от вашего духовного опыта во многом зависит состояние всего братства или сестричества.

Кому дано больше, с того больше и спросится. В первую очередь спросится с тех, кто руководит обителями, — а что там происходит. И не только с организационной или уставно-богослужебной точки зрения, но что происходит в душах монахов и монахинь, которые вступили в эту обитель и за спасение которых в первую очередь несет ответственность настоятель или настоятельница.

Пророк Давид, испытавши всё прекрасное в мире, после всего как бы в недоумении вопросил: «Се, что добро, или что красно?» И сам ответил: «Еже жити братии вкупе» (Пс. 132:1). Действительно, самая великая радость и красота — это жизнь в любви и согласии, в хранении единства духа в союзе мира (Еф. 4:3). И этот идеал достигается через внутренний подвиг каждого монашествующего, через жизнь по заповедям Божиим.

Жить по заповедям в монастыре — значит не только самого себя спасать, но и положительно влиять на духовную жизнь всего братства или сестричества. Поэтому желаю всем вам, дорогие отцы и матери, братья и сестры, помочи Божией в вашем духовном делании, в созидании подлинного монашеского жительства, чтобы все вы познали и испытали сердцем силу этих слов пророка Давида.

Мне еще хочется сказать следующее. В первую очередь я от всего сердца желаю вам радости. Конечно, не просто веселья — это приходит и уходит, но внутренней радости. А сумрачные лица, с которыми нередко сталкиваюсь в обители? Идет навстречу монах или монахиня — Господи, даже напугать может, будто в его жизни что-то страшное произошло. Спрашиваю: «Болен?» — «Да нет, здоров». — «А что он такой?» — «Да он такой всегда». Что же это такое? Если всегда, то, может, не к духовнику, а к психиатру надо обратиться? Все это абсолютно недопустимо в монашеском общежитии. Ведь мы туда приходим не для того подвергать себя физической пытке и впадать в тяжелое психическое состояние. Мы туда приходим для спасения своей души, в том числе посредством внешних, очень правильных обстоятельств, связанных с монашеской дисциплиной. Так что ж тут хмуриться? Радоваться надо! А если человек постоянно хмурый, то игумену или игумении надо его пригласить и поговорить. Спросить: «Действительно ли ты находишься там, где тебе хотелось бы быть?» И лучше, чтобы такой человек ушел, чем если бы он, простите за резкое слово, отправлял общую духовную атмосферу.

Радости — не той, которую «мир дает» (Ин. 14:27), а той, которую дарует Господь, — и хотел бы всем нам пожелать. А эта радость возможна тогда, когда у человека нет внутреннего дискомфорта, внутренней тяжести и скорби. Той скорби, что изгоняется молитвой и постом (см. Мф. 17:21).

Милостивый Господь да благословит ваши труды, мои дорогие братья и сестры, да укрепит ваши душевные и телесные силы, в первую очередь силу духа, силу вашего призвания. Да никто не скорбит об избранном пути, да никто не утешает себя мыслями: «ведь я могу в какой-то момент уйти». Вы

связываете себя монашескими обетами на всю жизнь, и обитель — это место, где вы и должны пребывать. А чтобы было так, надо, чтобы это место пребывания было комфортным. Не в плане внешнего комфорта, а в плане внутреннего благополучия, радости, утешения — «вот наконец-то я в том месте, где мне хорошо». Это совсем не означает, опять хочу подчеркнуть, какого-то материального благополучия, некоего богатства, но это внутреннее состояние, которое мы создаем молитвой, постом, послушанием и ничем другим.

С одной стороны это трудно, а с другой стороны просто. Если сравнивать со спасением в миру — конечно, просто. Разве можно сравнить условия в монастыре с условиями в мегаполисе? Сел только в общественный транспорт в часы пик — вот и весь аскетизм сразу уходит. А у нас в монастырях, можно сказать, тепличные условия — в плане формирования того внутреннего состояния, которое открывает нам пути в Царствие Небесное.

В заключение хотел бы от всего сердца пожелать вам сил душевных и телесных, неоскудевающей Божией помощи, дабы всем нам войти в радость Господа нашего Иисуса Христа (см. Мф. 25: 21, 23), как призывает нас апостол Матфей в своем Евангелии. Господу нашему Иисусу Христу слава, честь и держава во веки веков! Аминь.

[1] — Некоторые общие наставления старца Амвросия, записанные большей частью хибарочными посетительницами // Схиархим. Агапит (Беловидов). Оптинский старец иеросхимонах Амвросий. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 126.

[2] — Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца / сост. иером. Никоном (Рождественским). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. С. 74.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

patriarchia.ru